

Четвергъ, 24 сентября 1909 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

Досуги.

Бесѣдоваль съ Коровиннымъ, прїѣзжавшимъ изъ Москвы на генеральную репетицію „Игоря“.

Интересный человѣкъ...

И какое „интересное интервью“ написалъ бы всякій другой на моемъ мѣстѣ!

Но, увы, я не созданъ для роли интервьюера, какъ ни почтенно быть популяризаторомъ мыслей и дѣлъ выдающихся людей ихъ же устами.

Я не умѣю невозмутимо слушать собесѣдника, люблю возражать, поспорить—и это дѣлаетъ меня прямо „неспособнымъ“ интервьюеромъ.

Еще я не умѣю продолжать разговоръ о вещахъ, которыя для меня и безъ того ясны или становятся ясными послѣ первой отвѣтной реплики собесѣдника.

Такъ случилось и съ моей бесѣдой съ Коровиннымъ.

Признаюсь, я нарочно поѣхалъ его интервьюировать насчетъ его декорацій и костюмовъ къ оперѣ „Князь Игорь“.

Мы бесѣдовали что-то около *трехъ часовъ*.

И меньше всего говорили объ „Игорѣ“.

Мнѣ показались декораціи къ „Игору“ чрезвычайно стильными, воскрешающими быльемъ поросшую эпоху. И я, разыгрывая интервьюера, спросилъ:

— Какими источниками вы пользовались? Вѣдь отъ эпохи Игоря почти не осталось памятниковъ?

А Коровинъ говоритъ:

— Я представляю себѣ эту эпоху, именно въ такихъ тонахъ и штрихахъ, въ какихъ я ее изобразилъ въ моихъ декораціяхъ и костюмахъ. Это—моя фантазія. Возможно, что она родилась подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь видѣннаго стариннаго рисунка на древнемъ тѣлцѣ, на старомъ орнаментѣ, самъ не знаю откуда. Возможно, что моя фантазія унесла меня на два вѣка дальше или ближе отъ Игоря,—но это не важно. Важна гармонія съ музыкой и сюжетомъ. Я думаю, что я свою задачу выполнилъ хорошо, но убѣжденъ также, что завтра можетъ явиться другой, который дастъ совершенно иные тона и контуры—и это тоже будетъ хорошо, гармонично и красиво. Противъ этого вы врядъ ли будете спорить. Вы сами это хорошо понимаете...

Послѣдними словами художникъ меня, какъ интервьюера, развѣивалъ.

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ разспрашивать о томъ, что самъ знаешь?

Не я ли самъ всегда утверждаю, что художникъ долженъ изучать и природу, и людей, и памятники старины не для того, чтобы копировать, а для того, чтобы вдохновляться.

Создавать же онъ долженъ свою природу, своихъ людей, свою старину.

Больше я не сталъ задавать профессионально-интервьюерскихъ вопросовъ.

Пошелъ „просто разговоръ“.

Объ искусствѣ, о художникахъ, объ Императорскихъ театрахъ, прежде и теперь, о В. А. Теляковскомъ, о злобахъ дня.

Коровинъ—интересный человѣкъ.

Его отношеніе къ людямъ и явленіямъ жизни—какое-то особенное, свое.

Онъ смотрѣлъ въ Александринскомъ театрѣ „Иванова“:

— Я такъ хохоталъ, я такъ хохоталъ...

— Хохотали? На „Ивановѣ“?..

— Да. Очень смѣшными изобразилъ Чеховъ всѣхъ выведенныхъ въ пьесѣ лицъ, всѣхъ насъ, русскихъ. И насмѣшникъ же Чеховъ...

— Но, въ „Ивановѣ“,—возразилъ я,—онъ не хохочетъ, а точно плачетъ надъ нашей безпомощностью.

— Нѣтъ, хохочетъ.

— А какъ играли?

— Очень хорошо... Одна Савина чего стоитъ! Я не знаю въ мірѣ такой артистки, которая сыграла бы лучше Савиной роль Сарры.

Заговорили о травлѣ, которой подвергались и отчасти подвергаются еще и теперь „за декадентство“ онъ, Коровинъ, и Головинъ, и Теляковский.

— Да иначе быть не должно. Къ каждому театру надо прибавить вывѣску: „Домъ зависти и соревнованія“... Декадентство тутъ ни при чемъ. Дѣло въ протестѣ. Мы припили съ нашимъ протестомъ, противъ царившихъ на сценѣ старыхъ правдъ, которыя до Теляковского слишкомъ долго залеживались. Онъ сталъ мѣнять людей. До него люди въ Императорскихъ театрахъ не мѣнялись. Это была какая-то стоячая вода. Какіе мы съ Головиннымъ декаденты! И кто объяснить, что собственно означаетъ декадентство? Мы—художники. У насъ—своя правда. Другая правда—другое право... Вотъ говорить, что такъ называемые декаденты отрицаютъ этику въ искусствѣ, а я думаю, что нѣтъ, не можетъ быть *эстетики безъ этики*. Вотъ, какой я декадентъ!..

— Въ чемъ, по вашему, основное достоинство послѣднихъ реставрированныхъ оперныхъ постановокъ? Къ чему именно вы особенно стремитесь, составляя эскизы?

— Я лично стремлюсь въ краскахъ дать рисунокъ музыки, если можно такъ выразиться. Впрочемъ, я думаю, что всяко можно выражаться. Да, именно, *рисунокъ музыки*. Мажорная музыка требуетъ одни тона, минорная—другіе. Прежніе декораціи и костюмы не гармонировали съ *духомъ* пьесы. Фонъ, рама были сами по себѣ, а пьеса—сама по себѣ. Глазъ непосредственно не участвовать въ представленіи, глазъ не критиковалъ или критиковалъ безотносительно. Говорили: „хорошая декорація“, „плохая декорація“, но не было такихъ

декорацій, которыя казались бы страницами данной оперы или балета.

Мы бесѣдовали еще и еще.

Меня прямо изумляло своеобразно мудрое отношеніе Коровина къ театрально-закулискому быту. Какъ онъ хохоталъ на представленіи „Иванова“, гдѣ люди, по его мнѣнію, „ужасно смѣшны“, такъ онъ хохочетъ надъ нравами кулисъ.

Не вѣдаютъ, молъ, что творять.

Интересный человѣкъ.

И. Осиповъ.
